

"Доведенный до безумия-Gaslighted]"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Доведенный до безумия

«Тук-тук!» — стучало что-то. «Тук-тук» — и ничего больше. Часы? Нет, часы так не тикают, звук слишком громкий и неравномерный. Поскрипывают стены старого дома? Щелкает обогреватель?

Человек слушал. Постепенно он осознавал какие-то вещи — или, скорее, их отсутствие. Отсутствие света. Ощущений. Имени.

Как необычно, правда? Он был человеком без имени. Без воспоминаний. Чистой доской, пустым сосудом. И все же чувствовал, что ему многое известно. Парадокс.

Стук становился все громче. Человек изо всех сил старался понять, что это. Ощущения начали возвращаться. Он ничего не видел — на голове был колпак. Руки и ноги зафиксированы. Не связаны — пристегнуты ремнями. Он лежал на кровати. Попытался пошевелиться — пути оказались мягкими, не давящими и прочными.

Есть не хотелось. Он не устал. Не было ни жарко, ни холодно. Он не боялся, чувствовал себя спокойно.

«Тук, тук, тук-тук.» Человек прислушался. В голову пришла мысль: если он догадается, что издает этот звук, то, может быть, вспомнит все остальное.

Он попытался заговорить. Появился звук. Шелест дыхания.

Стук прекратился. Стало тихо.

Затем он услышал скрип. Этот звук человек узнал — так скрипит пол под ногами. К нему подходили все ближе. Кто-то взялся за колпак, и он услышал, как затрещала, расстегиваясь, липучка. Колпак аккуратно сняли, и человек увидел чье-то лицо. Кто-то склонился над ним. Кожей ощутив движение воздуха, он понял, что ему обрили голову. Когда-то у него были волосы... по крайней мере, хоть это он знал.

Пришедший наклонился ниже. Несмотря на тусклое освещение комнаты, человек вполне отчетливо разглядел его. Мужчина лет сорока в сером фланелевом костюме. Резкие черты лица, высокие скулы, нос с горбинкой. Четко очерченные глазницы и надбровные дуги делали лицо незнакомца похожим на череп, придавая ему асимметричный вид. Рыжеволосый, он носил густую, аккуратно подстриженную бородку. Но необычнее всего выглядели его глаза: один — живой, ясный, насыщенного зеленовато-карего цвета, зрачок чуть расширен. Второй — беловато-голубой, мутноватый, мертвый, с суженным до размера крошечной черной точки зрачком.

От одного вида этих глаз в мозгу человека что-то щелкнуло... будто сработал гигантский выключатель, и память вернулась. Воспоминания разом обрушились на него словно Ниагарский водопад, и их тяжкий груз поверг его, лежащего на постели, в состояние оцепенения.

— Диоген, — прошептал он, глядя на склонившегося над ним мужчину.

— Алоиз, — обеспокоенно нахмурившись, ответил тот. — Слава Богу, ты очнулся!

Алоиз. Алоиз Пендергаст. Вот как его зовут: специальный агент Алоиз Пендергаст.

— Ты мертв, — проговорил Пендергаст. — Это сон.

— Нет, — возразил Диоген. Голос его звучал почти мягко. — Ты очнулся от грез и теперь наконец-то на пути к выздоровлению, — с этими словами он наклонился над кроватью, расстегнул кожаные ремни на запястьях брата, взбил и поправил подушку, разгладил простыню. — Если можешь сесть, сядь.

— Это твоих рук дело. Твой очередной план.

— Ну же, прошу тебя, не начинай заново.

Краем глаза Алоиз заметил движение и повернул голову. В открытую дверь его комнаты вошла женщина. Он мгновенно узнал ее: Хелен Эстергази, его жена.

Его покойная жена.

Алоиз с ужасом наблюдал, как Хелен подошла к постели. Она попыталась взять его ладонь в свою, но Пендергаст отдернул руку:

— Это галлюцинация.

— Нет, явь, — тихо ответила она.

— Не может быть.

— Мы живы, — Хелен присела на краешек кровати. — Оба. Мы пришли, чтобы помочь тебе выздороветь.

Алоиз Пендергаст молча покачал головой. «Если это не сон, то я, должно быть, под воздействием наркотиков. Что бы ни происходило, что бы они ни делали, поддаваться не стану.» С этими мыслями Пендергаст закрыл глаза и попытался вспомнить, как сюда попал, какие события привели к тому, что он оказался... в неволе. Но кратковременная память была пуста. «Что же тогда я помню последним?» — подумал он, изо всех сил стараясь вспомнить. Безрезультатно: куда бы он ни обращал свой мысленный взор, всюду виднелась лишь дорога, длинной черной лентой уходящая назад.

— Мы пришли помочь тебе, — поддакнул Диоген.

Пендергаст поднял веки и пристально посмотрел в разноцветные глаза брата:

— Ты? Пришел мне помочь? Ты — мой злейший враг. И, кстати, тебя здесь нет. Ты мертв.

«Откуда я знаю, что мой брат мертв? — подумал он. — Если я не могу вспомнить, то почему знаю, что он мертв? И все же знаю... знаю ведь?»

— Нет, Алоиз, — с улыбкой ответил Диоген. — Все это — блажь, порожденная твоей болезнью. Оглянись назад, вспомни свою жизнь или то, что по твоему мнению, было ею. Кто ты по профессии?

— Я... — замялся Пендергаст, — агент ФБР.

— Ладно, — еще раз мягко улыбнулся Диоген. — Теперь подумай. Нам известно все о твоей

«жизни», о которой ты на протяжении последних месяцев рассказывал доктору Августину. Мы слышаны о твоих безумных подвигах и рискованных похождениях. О всех тех людях, которых ты, якобы, убил. О том, как ты чудом избежал смерти. О генетических монстрах, поедающих человеческий мозг, и живущих в пещерах убийцах с интеллектом ребенка. О полчищах мутантов, что обитают под землей, и евгенических проектах нацистов... Слышаны мы и о некоей девушке, чей возраст — сто сорок лет... Это, Алоиз, мир фантазий, который ты, наконец-то, покидаешь. Мы — реальны, твои же безумные иллюзии — вымысел.

Стоило Диогену начать перечислять эпизоды из жизни Пендергаста, память агента тотчас же среагировала на каждый из них, и воспоминания расцвели в мозгу, словно фейерверк.

— Нет, — возразил он. — Все с точностью до наоборот. Ты все вывернул наизнанку. Ты не настоящий. Настоящий — тот, другой мир.

Хелен наклонилась над Пендергастом, глядя ему в глаза своими фиалковыми глазами:

— Ты правда считаешь, что Бюро — консервативное Бюро — позволит одному из своих сотрудников потерять над собой контроль и, не желая того, убивать людей? — спросила она спокойным, невозмутимым, рассудительным голосом. — Как такое может быть на самом деле? Подумай-ка о своих так называемых похождениях. Разве может человек — один человек — выдержать все это и остаться живым?

— Ты попросту не смог бы пережить все те приключения, о которых ты рассказывал доктору Августину, — снова заговорил Диоген. Его льстивый голос с южным акцентом звучал как целительный бальзам. — Тебя обманывает память, не мы. Разве не видишь?

— Тогда зачем меня пристегнули? Зачем надели колпак?

— Когда в лечении произошел прорыв, — продолжил Диоген, — когда доктор Августин наконец-то пробился сквозь скорлупу твоих фантазий, ты сделался беспокойным. У нас не было другого выбора кроме как обездвигить тебя, ради твоей же собственной безопасности. Колпак надели потому, что тебе мешал свет. Тебе всегда был неприятен свет, с самого детства.

— А голову зачем обрили?

— Волосы пришлось сбрить в ходе лечения, чтобы закрепить на коже электроды. Для электрической стимуляции мозга.

— Электроды? Ради всего святого, что со мной сделали?

— Алоиз, постарайся успокоиться, — ласково проговорила Хелен. — Мы понимаем, как тебе, должно быть, тяжело. Ты приходишь в себя после долгого, долгого кошмара. Мы здесь, чтобы помочь тебе вернуться к реальности. Попробуй сесть. Выпей воды.

Пендергаст сел, и Хелен поправила подушки у него за спиной. Теперь он мог лучше рассмотреть помещение. Стены изысканно обставленной комнаты были отделаны дубовыми панелями, из витражных окон, на которых он заметил слабо различимые решетки, открывался вид на зеленую лужайку и цветущие кизилловые деревья. Большую часть блестящего паркетного пола устилал персидский ковер. Единственным признаком того, что это больничная палата, был закрепленный в изголовье кровати странного вида медицинский прибор с рукоятками, крошечными лампочками и набором электродов, висящих на длинных цветных проводах.

Взгляд Пендергаста остановился на странной фигуре: в атласном кресле, стоящем в дальнем углу комнаты, сидела чревовещательная кукла с каштановыми волосами и ярко-красными губами, в белом медицинском халате и со стетоскопом на шее. Нижняя челюсть болванчика отвисла, демонстрируя черную дыру рта. Стеклообразные голубые глаза немигающим взглядом взирали на агента из-под изогнутых бровей. Сидел болванчик прямо, вытянутые ноги его были слегка расставлены, а блестящие коричневые туфли украшали ярко-оранжевые шнурки.

В этот момент дверь открылась, и в палату вошел крупный жизнерадостный мужчина с венчиком волос вокруг лысины. На нем был синий саржевый костюм с красным галстуком-бабочкой и красной же гвоздикой в петлице. В руке вошедший держал папку-планшет.

— Здравствуйте, доктор! — Диоген встал и протянул ему руку. — Мы очень рады вашему приходу. Он очнулся и, осмелюсь сказать, его сознание гораздо более ясное, нежели прежде.

— Отлично! — ответил тот, поворачиваясь к Пендергасту. — Думаю, мы с вами добились настоящего успеха.

— Успеха? Вовсе нет. Это своего рода вызванные галлюцинации, некая попытка воздействовать на мое душевное здоровье.

— Эти слова, — продолжил доктор, — на последнем издыхании произносит ваше больное воображение. Но ничего страшного. Вы позволите? — он указал на кресло по соседству с болванчиком.

— Мне абсолютно нет дела до того, будет вам там удобно или нет, — заявил Пендергаст. — Делайте что хотите.

Доктор невозмутимо опустился в кресло.

— Я очень рад тому, что вы смогли узнать Хелен и Диогена. Узнавание родных само по себе — огромный прогресс. До сегодняшнего дня вы не могли даже смотреть на них — настолько сильно верили в то, что ваши близкие умерли. Итак, пока ваш разум ясен, хотелось бы ввести вас в курс дела. Если позволите.

Пендергаст махнул рукой.

— Ваша болезнь — сложный и запутанный случай. Пожалуй, самый сложный в моей практике. То, что я сейчас рассказываю вкратце — результат многомесячной кропотливой работы по воссозданию общей клинической картины. Двадцать лет назад во время службы в войсках специального назначения вы пережили психологическую травму невообразимой силы. Мы досконально проработали этот эпизод, и нет нужды снова к нему возвращаться. Достаточно заметить, что травма была настолько ужасной, что стала угрожать вашему душевному здоровью, самому вашему существованию. Вы оставили службу, но из-за пережитого стресса у вас развилась крайняя форма посттравматического синдрома, запущенная и похороненная в глубинах разума. Годами она, словно рак, подтачивала ваше здоровье. Будучи человеком состоятельным, вы могли позволить себе не работать, и вынужденная праздность, видимо, сыграла с вами злую шутку. Вы начали бредить. Главным способом справиться с запущенным посттравматическим синдромом стали иллюзии. Вы вообразили себя всемогущим агентом ФБР, который исправляет ошибки, убивает без пощады и избавляет мир от зла. Эти фантазии целиком поглотили вас.

Пендергаст смотрел на доктора. Хоть он и желал поставить рассказ под сомнение, слова психиатра звучали логично и наводили на тревожные размышления. В подтверждение

сказанного, в комнате сидели Диоген и Хелен. Два человека, которых Алоиз Пендергаст считал мертвыми, были живы, дышали, и по всем его ощущениям выглядели совершенно реальными. Он не мог отрицать действительность, которую видел собственными глазами. И все же... воспоминания о днях службы в ФБР, нахлынувшие на него в тот момент, когда Диоген перечислял длинный список его походов, были не менее четкими.

— Вы пребывали во мраке, — продолжил доктор, постукивая ручкой по планшету. — Но, благодаря курсу лечения, состояние вашего здоровья наконец-то стало заметно улучшаться. По правде сказать, прогноз оказался настолько многообещающ, что на прошлой неделе я пригласил двоих человек, которые больше всего заботятся о вас — брата и бывшую жену — чтобы те побыли с вами. Самая густая тьма — перед выходом из тоннеля.

— Что это за место?

— Психиатрическая лечебница «Стоуни Маунтин» близ городка Саранак-Лэйк, что в северной части штата Нью-Йорк.

— И как я здесь оказался?

— Вы забаррикадировались в своих апартаментах в «Дакоте», в бреду бормотали о нацистах. Вас нашла экономка. Вызвали полицию, о случившемся сообщили вашему брату, и тот вместе с вашей бывшей женой решили привезти вас сюда. Это было почти полгода назад. Поначалу лечение продвигалось медленно и с трудом, но недавняя положительная динамика в вашем состоянии в высшей степени обнадеживает. Итак, после того, как я все объяснил, как вы себя чувствуете?

Пендергаст повернулся к брату, в очередной раз поразившись озабоченному выражению его лица.

— Но ты так хотел меня убить, что сделал это делом своей жизни.

— А это, Алоиз, самый неприятный фрагмент твоих иллюзий, — тень страдания промелькнула по лицу Диогена. — Я всегда был для тебя только лишь любящим братом. Конечно, в детстве между нами возникали разногласия, с кем не бывает. Однако наблюдать, как эти детские ссоры во взрослом возрасте перерастают в паранойю, было очень тяжело. Но я люблю тебя, брат, и давно понял, что ты ненавидишь меня вследствие болезни, а не по собственной воле.

— А ты? — Пендергаст повернулся к Хелен.

Та опустила глаза:

— Сначала ты вообразил, будто меня загрыз лев в Африке. Затем твои фантазии стали еще более вычурными: дескать, меня вовсе не лев загрыз, а убили нацисты в Мексике. Наступил момент, когда я больше не смогла так жить. Потому-то я с тобой и развелась. Прости... Возможно, мне следовало быть сильнее. Но на самом деле я никогда не переставала любить тебя.

В комнате установилось молчание. Пендергаст посмотрел по сторонам — все вокруг выглядело неподдельным, настоящим, успокаивающим — и невольно ощутил облегчение, словно долгий кошмар наконец-то закончился. «А что, если они говорят правду? — подумал он. — Если это так, то Хелен не погибла страшной смертью... и все это — лишь плод моего воображения. Как замечательно избавиться от жутких воспоминаний, освободиться от сокрушающего чувства вины, боли и угрызений совести, от всех тех ужасов, которые я видел, будучи агентом ФБР. И

больше не страдать из-за безумия Диогена и его неукротимой ненависти.»

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор Августин.

Он чувствовал себя умиротворенным. Теперь все можно забыть. Ощущение было таким, словно оковы прежних ложных воспоминаний и вымышленных былых походов рухнули, словно ему дали второй шанс в жизни.

— Пожалуй, я бы сейчас поспал, — ответил Пендергаст.

* * *

Пендергаст проснулся в темноте. Наступила ночь. Он сел в постели и увидел Хелен — та дремала в кресле у его кровати. Очнувшись от сна, она открыла глаза, улыбнулась и посмотрела на часы. Лунное сияние подсвечивало кружевные занавески на окне, полированные дубовые панели на стенах поблескивали в призрачном ночном свете. Кресло, в котором сидел болванчик, пустовало.

— Который час?

— Начало второго.

Он чувствовал себя на удивление отдохнувшим, разум был ясен.

— Хочешь, я включу свет? — спросила Хелен.

— Нет, не надо. Я люблю лунный свет. Помнишь полнолуние?

— О, да, — ответила она. — Конечно, помню. Луну.

Пендергаст был потрясен. Он внезапно испытал чувство благодарности судьбе за то, что Хелен жива, что она не умерла... что ее не убили из-за него.

— Чем я занимался? — поинтересовался он. — Ну, раз не служил в ФБР?

— Мы встретились после того, как ты ушел из спецназа. О службе ты никогда не рассказывал, а любопытствовать мне не хотелось. Ты вел праздную жизнь, полную интеллектуальных исканий. Твоим домом было старинное родовое поместье на юге Луизианы. Мы провели там несколько счастливых лет, ездили по миру. Побывали в Тибете, Непале, Бразилии, Африке.

— В Африке?

— Охотились на крупную дичь. И все же, лев меня не загрызал, — губы Хелен тронула легкая улыбка. — Алоиз, позволь мне высказаться, снять груз со своих плеч. Я не горжусь тем, что оставила тебя... но мне сделалось за себя страшно. Жить с тобой становилось все опаснее и опаснее. Но при всем этом, Диоген оказался святым. Он узнал об экспериментальном лечении, которое проводят здесь, в «Стоуни Маунтин». Этот курс был последним средством.

— Что теперь со мной будет? — медленно кивнул Пендергаст.

— Мне сказали, что на выздоровление уйдет какое-то время. Придется полежать здесь до тех пор, пока доктор не сочтет тебя полностью здоровым. Может быть, еще с полгода.

— Хочешь сказать, мне нельзя отсюда уйти?

— Придется считаться с тем, что тебя поместили на принудительное лечение, — замялась Хелен. — Но это ради твоего же блага. В конце концов, твои иллюзии формировались годами. Не жди выздоровления на следующий день. Придет время, и ты сможешь вернуться к своей прежней жизни в Пенумбре, — она взяла его за руки. — Кто знает, что будет дальше. Возможно, у нас с тобой все еще есть шанс.

Хелен сжала его ладони. Пендергаст ответил ей тем же.

— Загляну к тебе завтра, около полудня, — улыбнулась она и встала с кресла.

Он проводил ее взглядом и глубоко погрузился в собственные мысли. Долгое время в комнате стояла полная тишина. Полоска лунного света медленно ползла по полу.

Наконец, часа через два, Пендергаст поднялся с кровати. В другом конце комнаты стоял массивный металлический шкаф, запертый на висячий замок и явно появившийся здесь после того, как помещение переделали в больничную палату. Пендергаст обвел глазами комнату. На столике в углу лежали какие-то бумаги. Он просмотрел их, но в стопке были лишь рекламные проспекты и больничные меню. Сняв с бумаг пару канцелярских скрепок, Пендергаст вернулся к шкафу, привычно, почти автоматически, разогнул их и, по очереди вставив проволочки в скважину, ловким движением вскрыл замок.

«Где я этому научился? — задумался он. — В спецназе?» — Но воспоминания о тех днях по-прежнему были ему до отвращения неприятны.

Пендергаст заглянул в шкаф. Внутри обнаружили черный костюм, белая рубашка, галстук, туфли, носки. Он попробовал ткань костюма на ощупь — прекрасный материал был мягким и привычным, словно собственная кожа. В затылке кольнуло. Пендергаст обыскал пиджак и брюки, первым делом заглянув в тот карман, где предположительно хранил свой бумажник с жетоном агента ФБР. Пусто. В остальных — в том числе в нашитых по спецзаказу складках и кармашках — тоже было пусто. Ни документов, ни чего-либо другого.

Сняв больничную одежду, Пендергаст надел рубашку, провел рукой по чудесной хлопковой ткани. За рубашкой последовали брюки, галстук от «Зенья», пиджак и носки. Достав из шкафа туфли от «Джон Лобб», он вдруг задумался, повернул левый ботинок подошвой вверх и снял каблук, внутри которого в вырезанном углублении хранились лезвие, набор отмычек, две запаянные ампулы с химикалиями и сложенная в несколько раз стодолларовая банкнота.

«И это тоже плод моих бредовых фантазий о работе в ФБР?» — подумал Пендергаст, глядя на находку.

Вернув на место каблук, он обулся, подошел к окну, открыл защелку и распахнул створки. Через железные прутья решетки в комнату просочился ветерок и принес с собой аромат болиголова. Пендергаст вновь попытался воскресить в памяти последнее воспоминание. По словам Хелен, Диогена и доктора, он провел здесь полгода. Значит, в лечебницу его положили зимой? Изо всех сил он пытался вспомнить, представить, как выглядит заснеженный пейзаж за окном, но ничего не получалось.

Размяв руки, Пендергаст ухватился за пару железных прутьев, идущих параллельно друг другу, и изо всех сил принялся давить на них. Медленно, но верно те, выкованные из низкосортного металла и покрытые ржавчиной, поддались. Пендергаст давил до тех пор, пока в решетке не образовалось отверстие, через которое можно было выбраться наружу. Тяжело

дыша, он разжал пальцы. Но сейчас не время бежать. Сначала надо найти ответы.

Пендергаст закрыл окно, задернул занавеску и, осторожно ступая, подошел к двери и подергал ручку. Ясное дело, заперта. Вновь поражаясь тому, как работает рефлекторная память, он за десять секунд вскрыл замок скрепками.

Приоткрыв дверь, он выглянул в освещенный коридор, в дальнем конце которого располагался сестринский пост, на котором дежурили медсестра и двое санитаров. Никто из них не спал, все трое были чем-то заняты. Дождавшись, когда они отвлекутся, Пендергаст выскочил из палаты и метнулся в тень у соседней двери. «Еще один пациент?» — подумал он, ловко орудуя скрепками.

Открыв замок, Пендергаст оказался в палате, похожей на его собственную, только гораздо меньших размеров. Из мебели тут стояла лишь кровать, на которой лежал мужчина. Голова пациента также была обрита, но, в отличие от Пендергаста, выглядел он худым и изможденным, а на обнаженной руке виднелись «дорожки» — следы давней героиновой зависимости. В изголовье кровати стоял точно такой же медицинский прибор, какой Пендергаст видел у себя в палате.

Двигаясь как можно осторожнее, Пендергаст покинул темную палату и зашагал по длинному коридору, заглядывая в палаты. В каждой из них ему открывалась одна и та же картина: спящий пациент — зачастую доходяга — с обритой головой.

«Нет, таким образом я ничего не добьюсь, — Пендергаст остановился, чтобы обдумать варианты. — Реальная действительность либо моя, либо Диогена и Хелен. Но, увы: судя по всему, обе указывают на то, что я спятил. Чтобы решить, которое из этих двух помешательств — правда, мне требуется больше сведений.»

Он вышел из комнаты последнего пациента, заложил руки в карманы и — не имея ни малейшего понятия, что делает, но при этом будучи абсолютно уверенным в собственных действиях — двинулся назад, к сестринскому посту. Санитары — двое двухметровых светловолосых здоровяков под стать друг другу — сначала с непониманием, а потом с тревогой смотрели на него. Пендергаст видел, что оба они вооружены.

— Эй... эй! — крикнул один из санитаров. Внешний вид Пендергаста привел его в замешательство. — Ты еще кто такой?

Тот направился напрямиком к ним:

— Пендергаст, к вашим услугам. Пациент из сто тринадцатой палаты.

Действуя по отработанной схеме, санитары разделились и встали по обе стороны от него.

— Ладно, — спокойно произнес один из них, — сейчас мы тихо и мирно отведем вас назад в палату. Ясно?

— Боюсь, это невозможно, — не шелохнувшись, ответил Пендергаст.

Санитары подошли чуть ближе:

— Неприятности никому не нужны.

— Ошибаетесь. Мне нужны. Более того, я им, несомненно, обрадуюсь.

Первый санитар мягко взял Пендергаста за руку:

— Хватит пререкаться, дружище, и давай-ка назад в кровать.

— Терпеть не могу, когда меня трогают!

Теперь и второй санитар подошел ближе, тесня его собой.

— Пойдемте, мистер Пендергаст, — проговорил первый, сильнее стискивая его руку.

За коротким взмахом кулака последовал звук удара в живот, за ним — резкий свист выдыхаемого воздуха, и санитар, согнувшись и схватившись за ребра, повалился на пол. Его напарник занес руку, чтобы схватить Пендергаста, и через секунду тоже оказался на полу.

Остававшаяся на посту медсестра повернулась и опустила рубильник сигнализации. Завыла сирена, зажглись красные фонари, и Пендергаст услышал, как сработали автоматические дверные замки. В мгновение ока, словно из ниоткуда появились шестеро громил-санитаров и направились к сестринскому посту, где спокойно, скрестив руки, стоял Пендергаст. Держа оружие наготове, санитары окружили его, а те двое так и лежали на полу в позе эмбриона, хватая ртом воздух и не в силах произнести ни слова.

— Джентльмены, я готов вернуться в свою палату, — заявил Пендергаст. — Но, прошу вас, не прикасайтесь ко мне. У меня на сей счет, можно сказать, «пунктик».

— Шагай давай, — ответил один из санитаров, судя по всему, старший. — Пошел.

Пендергаст зашагал по коридору. Спереди и сзади шли санитары. Когда они вернулись в палату, один из них включил свет, последний же закрыл дверь и запер ее на замок. Старший махнул рукой в сторону открытого металлического шкафа, возле которого валялась больничная одежда Пендергаста.

— Снимай свою одежду и надевай больничную, — приказал он.

Один из санитаров тем временем говорил по «уоки-токи», и Пендергаст слышал, как тот уверяет кого-то, что они держат ситуацию под контролем. Сирену отключили, и вновь стало тихо.

— Я сказал: раздевайся.

Пендергаст повернулся к нему спиной, оказавшись лицом к шкафу, но раздеваться не стал. Через секунду старший шагнул вперед и, схватив его за плечо, развернул к себе:

— Я сказал... — начал он и умолк, как только ствол отобранного у одного из поверженных санитаров «смит-энд-вессона» тридцать восьмого калибра уперся ему в голову.

— Рации на пол, — спокойным, твердым голосом скомандовал Пендергаст. — Затем оружие. И ключи.

Нервно поглядывая на оружие в руке пациента, санитары поспешно повиновались и сложили на персидский ковер груды пистолетов и раций. Пендергаст, продолжая держать на мушке старшего, перебрал «уоки-токи» и взял одну из них. Вытащив из остальных аккумуляторы, а из револьверов — патроны, он сложил их в карман пиджака, затем перебрал ключи, отыскал мастер-ключ, вставил его в скважину и щелкнул замком. Повертев в руках рабочую рацию,

нашел «тревожную кнопку» и нажал ее. Сигнализация с треском ожила.

— Побег! — прокричал он в динамик. — Пациент из сто тринадцатой! У него пушка! Выпрыгнул в окно и бежит к лесу! — и, выключив передатчик, Пендергаст вытащил из него аккумулятор и бросил его на пол.

— Доброго вам вечера, джентльмены, — мрачно кивнул он, открыл окно и выскочил в ночь.

Стоило Пендергасту прижаться к темной стене особняка, как лужайку и парк моментально залил свет прожекторов. Сквозь вой сирены доносились крики. Двигаясь параллельно стене и прячась за кустарником, он шел вдоль огромного особняка, превращенного в психиатрическую лечебницу. Как он и надеялся, охранники и санитары, полагая, что он скрылся в лесу, бежали по лужайке, лучи их фонарей плясали по траве.

Пендергаст же едва заметной тенью медленно и осторожно шел вдоль дома. Через несколько минут он добрался до переднего фасада и остановился разведать местность. Бескрайнюю лужайку пересекала широкая извилистая аллея, что вела к порт-кошеру у въездных ворот, украшенных туями. Перебежав гравийную дорожку, Пендергаст спрятался в густых зарослях кустарника, растущего рядом с порт-кошером.

Не прошло и пяти минут, как на подъездную аллею влетел «Лексус» последней модели. Разбрасывая по сторонам гравий, автомобиль сбросил скорость и остановился под порт-кошером.

Отлично! Лучше не бывает!

Как только водитель — им был, как Пендергаст и ожидал, доктор Августин — распахнул дверцу машины, агент бросился вперед и втокнул его обратно в салон, впечатав в сиденье. Держа психиатра на мушке, Пендергаст быстро скользнул на соседнее — пассажирское сиденье.

— Поезжайте, — приказал он, захлопнув дверцу.

Автомобиль покатил вниз по аллее, к домику у ворот — судя по всему, охраняемому контрольно-пропускному пункту. Пендергаст сполз с сиденья и скорчился под приборной доской.

— Скажите охране, что кое-что забыли и скоро вернетесь. Слово в сторону, и получите пулю.

Доктор повинился. Ворота открылись. Автомобиль набрал скорость, и Пендергаст вновь забрался на сиденье.

— Сверните направо, — приказал он, и доктор свернул на пустынную проселочную дорогу.

Пендергаст включил автомобильный GPS-навигатор и быстро изучил карту.

— Ага. Вижу, мы отнюдь не возле Саранак-Лэйк, а гораздо ближе к канадской границе, — посмотрев на доктора Августина, он вытащил из кармана его пиджака сотовый телефон. Глядя на навигатор, Пендергаст дал психиатру серию указаний. Через полчаса машина выехала на грунтовку, которая заканчивалась возле одинокого пруда.

— Остановитесь здесь.

Доктор остановил машину. Лицо его было белым как мел, губы — сжаты в ниточку.

— Доктор Августин, вы осознаете последствия похищения федерального агента? Я могу убить вас прямо сейчас и получить за это медаль. Конечно, если я, как вы утверждаете, сумасшедший — в таком случае, меня посадят. Но в любом случае, мой дорогой доктор, вы умрете.

Молчание.

— И я вас убью. Я хочу вас убить. Единственное, что меня остановит — немедленное полное и подробное объяснение этой мистификации.

— Почему вы считаете, что это мистификация? — раздался дрожащий голос психиатра. — Это говорит ваше безумие.

— Потому что я знал, как взломать замок. Отобрал револьвер у санитаря — легко, как конфету у ребенка.

— Ну конечно. Благодаря стандартному курсу подготовки в спецназе.

— Я слишком силен для человека, пролежавшего полгода в психиатрической лечебнице. Я отогнул прутья оконной решетки.

— Ради Бога, да вы половину времени, что лечитесь, провели в здешнем тренажерном зале! Разве не помните?

Повисло молчание. Затем Пендергаст сказал:

— Вы проделали мастерскую работу. Почти заставили меня поверить вам. Но когда Хелен не поняла моих слов о луне, у меня вновь возникли подозрения. Восход полной луны, который мы встречали вместе, всегда был нашим условным знаком. Это-то меня и насторожило. И когда Хелен взяла меня за руки, я точно понял — это мистификация.

— Бога ради, но как вы догадались?

— Потому что кисть ее левой руки по-прежнему была на месте. Один момент в своей жизни я помню настолько ярко, что уверен — ложным это воспоминание быть не может. Случай произошел в Африке, на сафари, во время которого на Хелен напал лев. Тот миг, когда я нашел ее откушенную руку с обручальным кольцом на пальце, так глубоко врезался мне в память, что ничем иным, кроме как правдой, он быть не может.

Доктор молчал. Луна освещала озерцо... С противоположного берега донесся крик гагары.

Пендергаст взвел курок револьвера:

— Я выслушал достаточно лживых речей. Расскажите мне правду. Еще раз солжете, и вы — покойник.

— Как вы узнаете, что я лгу? — тихо спросил доктор.

— Ваши слова станут ложью, когда я перестану в них верить.

— Понимаю. Я-то что получу, если буду сотрудничать?

— Я позволю вам остаться в живых.

Доктор глубоко и прерывисто вздохнул.

— Давайте начнем с имени. Меня зовут не доктор Августин. Я — Грандман. Доктор Уильям Грандман.

— Продолжайте.

— На протяжении последних десяти лет я экспериментировал с нейронами памяти. Я обнаружил ген, известный как Npas4.

— Что это за ген?

— Он контролирует нейроны вашей памяти. Память, видите ли, штука физическая. Воспоминания фиксируются путем комбинации нейрхимических веществ и электрических импульсов — потенциалов действия. Контролируя работу гена Npas4, я научился вычислять нейронные сети, в которых хранятся конкретные воспоминания. Научился управлять этими нейронами. Научился стирать воспоминания. Не удалять — удаление может вызвать повреждение мозга, а стирать. Это гораздо более тонкая операция, — доктор помолчал. — Вы пока что верите мне?

— Вы пока что живы, не так ли?

— Я понял, что моя методика может оказаться очень прибыльной. Под прикрытием психиатрической лечебницы «Стоуни Маунтин» я открыл клинику. В то время как лечебница находится на виду, происходящее здесь строго держится в тайне.

— Продолжайте.

— Люди приходят в мою подпольную клинику, дабы избавиться от ставших ненужными воспоминаний. Уверен, вы можете представить себе весь спектр всевозможных ситуаций, в которых некто станет этого желать. Я стираю воспоминания за плату. Какое-то время я довольствовался этим, но затем исследования привели меня к куда более выдающемуся открытию. Я предположил, что способен на нечто большее, чем стирать воспоминания. Я бы мог создавать их. Программировать новые... Представьте себе потенциальный рынок для такой услуги: за хорошую сумму вам могут дать воспоминания об уик-энде на Кап д'Антиб с голливудской звездочкой по вашему вкусу, о восхождении на Эверест с Джорджем Мэллори или о том, как вы дирижируете оркестром Нью-Йоркской филармонии, исполняющем «Девятую симфонию» Малера.

Пока доктор говорил, глаза его светились каким-то внутренним светом, но стоило ему опять взглянуть на револьвер, как взгляд его померк и стал еще более тревожным.

— Вы не могли бы опустить оружие? — спросил он.

— Продолжайте рассказывать, — отрицательно покачал головой Пендергаст.

— Хорошо, хорошо. Для того, чтобы отточить процедуру внедрения памяти, мне потребовались подопытные. Представляете себе результат программирования неверных воспоминаний? Поэтому я договорился с больницами Нью-Йорка о том, чтобы они тайно переправляли ко мне в клинику нищих, наркоманов, бродяг.

— Ими были те доходяги, которых я видел вокруг.

— Да.

— Люди, которых никто не хватится.

— Верно.

— А как я к вам угодил?

— Ох! Сколько же от вас проблем! Судя по всему, во время расследования какого-то дела у вас возникли подозрения насчет «Стоуни Маунтин». Вы ухитрились лечь в больницу Белвью под видом бомжа-туберкулезника, и вас, как полагается, переправили сюда. Но по недоразумению вместе с вами нечаянно отправили и вашу одежду, которая не выглядела одеждой бездомного бродяги. Я заподозрил неладное, навел справки, и в конечном счете узнал, кто вы такой на самом деле. Взять и убить вас я не мог: как вы заметили, убивать федерального агента — не лучшее решение. Гораздо лучшим вариантом было перепрограммировать вашу память, записать в нее новые воспоминания. Так сказать, довести вас до безумия: стереть истинные причины вашего появления в клинике и внушить новые, которые в итоге убедили бы ваше начальство и близких в том, что вы — психически больны. В таком случае никто не стал бы слушать безумца, и что бы вы ни заявляли, все списали бы на болезнь.

— Диоген и Хелен не настоящие.

— Да. Они — фантомы, реконструированные из ваших воспоминаний путем манипуляций с геном Nras4, — Грандман сделал паузу. — Похоже, раскапывая сведения о Хелен, мне следовало быть более дотошным.

— А болванчик? — спросил Пендергаст.

— А, болванчик. Я зову его доктором Августинном. Он — важная часть лечения. Доктора Августина тоже не существует. Болванчик не реален. Он — канал связи, транспорт — нечто вроде троянского коня, которого я в самом начале незаметно ввожу в психику пациента. Если мне удастся внедрить доктора Августина в ваш разум, то с его помощью я смогу внушить вам все, что угодно.

В машине повисла продолжительная тишина, прерываемая криками гагар. Полная луна проложила по воде масляно-желтую дорожку. Пендергаст ничего не ответил.

Доктор нервно поерзал на водительском сиденье.

— Полагаю, раз вы меня не убили, значит, поверили моему рассказу?

Пендергаст не ответил прямо, а вместо этого сказал:

— Выходите из машины.

— Собираетесь бросить меня здесь?

— Прекрасная ночь для прогулки. Магистраль в десяти милях отсюда. Местная полиция наверняка подберет вас раньше, чем вы проделаете весь путь пешком, — Пендергаст многозначительно махнул зажатым в руке сотовым телефоном доктора. — Конечно, разминетесь со штурмовой командой, которая уже едет в вашу клинику... так что вам еще повезло.

Грандман открыл дверцу машины и вышел в ночь. Пендергаст скользнул на водительское сиденье, развернул автомобиль и медленно покатыл по грунтовке в обратную сторону. В зеркало заднего вида он видел стоящего на берегу озера доктора, силуэт которого отражался в освещенной лунным светом воде.

Он принялся набирать номер Нью-Йоркского полевого отделения ФБР: первый шаг к проверке и закрытию «Стоуни Маунтин». Но, так и не нажав кнопку «вызов», Пендергаст медленно выпустил телефон из рук, и тот упал ему на колени.

Он знал, кто он такой, знал без тени сомнения. Он — специальный агент ФБР Алоиз Пендергаст. Происшествие в «Стоуни Маунтин» было кошмаром, бредом наяву. Но теперь все закончилось. Лечение доктора Грандмана, хоть и дьявольски эффективное, конечного результата не принесло — как тому и следовало быть. Его разум и воспоминания попросту оказались слишком крепкими для того, чтобы стереть их или долгое время манипулировать ими. Теперь Пендергаст знал, точно знал, кто он на самом деле... Помнил свое настоящее прошлое. Память наконец-то вернулась к нему. Теперь можно оставить все позади и вернуться к прежней жизни. К своей настоящей жизни.

Однако опустив взгляд на лежащий на коленях телефон, Пендергаст заметил, как в зеркальце заднего вида что-то мелькнуло... что-то, чего он по непонятной причине не заметил раньше.

Там, на заднем сиденье, глядя на него немигающим взглядом голубых глаз, сидел одетый в белый медицинский халат и блестящие коричневые ботинки красногубый доктор Августин.